

ББК 63.48(2Рос-4Алт)

С.С. Матренин

**Комплексный анализ поясных пряжек кочевников
Алтая сяньбийско-жужанского времени
(по материалам могильника Степушка-I)**

S.S. Matrenin

**A Complex Analysis of the Belt Buckles
of the Altai Nomads from Xianbei-Zhuzhan Time
(Based on Materials from the Burial Stepushka-I)**

Публикуются результаты комплексного изучения поясных пряжек из могильника булан-кобинской культуры Степушка-I, раскопанного в 2010 г. в Онгудайском районе Республики Алтай. Полученная коллекция насчитывает 13 экземпляров. В ходе классификации выделено пять типов пряжек. Типологический анализ данных изделий позволил определить их датировку и генезис. Сравнительное изучение материалов подтверждает, что развитие поясных пряжек у кочевников Алтая происходило под воздействием центральноазиатской моды ременных гарнитур и имело определенное своеобразие по сравнению с эволюцией снаряжения народов Европы.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, поясные пряжки, снаряжение, классификация, типология, хронология, сяньби.

Пряжки являются распространенной категорией снаряжения человека, обнаруживаемой в археологических комплексах Евразии эпохи поздней древности и Средневековья. Полученные на сегодняшний день многочисленные археологические источники свидетельствуют, что во II в. до н.э. — V в. н.э. у народов Северной и Центральной Азии происходили динамичные процессы формирования ременных гарнитур, проявившиеся в поиске оптимальных вариантов их конструктивного решения, декоративного оформления, а также в разнообразных заимствованиях. На протяжении этого времени шло становление новых типов пряжек, сохранение некоторых пережиточных форм изделий, появление экспериментальных модификаций. Обозначенные тенденции на материалах Алтая еще не получили полноценного научного осмысления. Важным условием выхода из такой ситуации, на наш взгляд, должно стать введение в исследовательскую практику всех имеющихся к настоящему моменту предметов снаряжения как уже из давно известных, так и недавно исследованных памятников этого региона II в. до н.э. — V в. н.э. Предлагаемая статья посвящена комплексному изучению поясных пряжек, обнаруженных в ходе аварийных раскопок

This article is devoted to comprehensive presentation of the results obtained by the researching of belt buckles from the burial mound of the Bulan-Koby culture which is known as Stepushka-I, excavated in 2010 in Ongudai region in the Altai Republic. The obtained collection of artifacts consists of 13 specimens. During working out the classification it has been allocated five types of belt buckles. Typological analysis of these products is allowed to define their dating and genesis. Comparative study of material tend to show that development of belt buckles from the Altai nomads was influenced by Central Asian fashion belt headset and had a certain originality in comparison with the evolution of Europeans' equipment.

Key words: Altai, Bulan-Koby culture, belt buckles, gear, chronology, classification, typology, chronology, Xianbei.

могильника булан-кобинской культуры Степушка-I в 2010 г. Указанный некрополь располагался в черте одноименного, ныне нежилого, села Онгудайского района Республики Алтай на третьей надпойменной террасе правого берега Урсула. В составе полностью изученной курганной группы насчитывалось 30 погребальных и ритуальных сооружений [1, 2]. Поясные пряжки были найдены в курганах 5, 6, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21. Полученная коллекция изделий насчитывала 13 экз. хорошей и удовлетворительной сохранности. Среди них 10 экз. являлись застежками основного пояса, остальные использовались для фиксации портупей.

Для классификации пряжек их признаки были разбиты на шесть уровней с учетом разной степени всеобщности и изменчивости [3, с. 8–10]. Наполнение таксонов выглядело следующим образом: группа — материал изготовления рамки и щитка, разряд — вид фиксатора свободного конца ремня, раздел — размещение фиксатора ремня на рамке, отдел — наличие или отсутствие щитка, особенности соединения с рамкой, подотдел — способ крепления щитка к ремню, тип — абрис рамки, вариант — форма и длина лицевой части щитка. В результате выделена одна группа, два разряда, три раздела, два

отдела, пять типов поясных пряжек, дополненных восьмью вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел I. Язычок размещается на основании рамки.

Отдел I. Подвижный щиток четко отделен от рамки.

Щиток представляет собой пластину-полуобойму, перегнутую через основание рамки. *Подотдел а* — щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 1. Овальные. *Вариант а* — с прямоугольным щитком средней длины. 2 экз. из курганов 9, 11 (рис. 1.-1, 2). *Вариант б* — с прямоугольно-овальным коротким щитком. 1 экз. из кургана 15 (рис. 1.-3). *Вариант в* — с прямоугольно-овальным щитком средней длины. 4 экз. из курганов 5, 6, 7, 15 (рис. 1.-4, 5, 6, 7).

Тип 2. Арочные. Рамка имеет сильно изогнутую дужку и параллельные боковые стороны. *Вариант а* — с прямоугольно-овальным щитком средней длины. 1 экз. из кургана 13 (рис. 1.-8).

Раздел II. Язычок размещается на цельной вертлюге в прорези рамки.

Отдел I. Подвижный щиток, четко выделенный от рамки, представляет собой пластину-полуобойму, перегнутую через основание рамки. *Подотдел а* — щиток крепится к ремню с помощью шпеньков.

Тип 3. Т-образные. Силуэт рамки образован сочетанием двух геометрических фигур: овала и четырехугольника, боковые стороны которого расширяются к основанию. *Вариант а* — с прямоугольным щитком средней длины. 1 экз. из кургана 21 (рис. 1.-10). *Вариант б* — с трапециевидным длинным щитком. 1 экз. из кургана 5 (рис. 1.-9).

Отдел II. Без щитка.

Тип 4. Т-образные. 1 экз. из кургана 17 (рис. 1.-11).

Разряд II. Неподвижный шпенек.

Раздел III. Неподвижный шпенек располагается на лицевой стороне дужки.

Отдел I. Подвижный щиток отделен от рамки. Щиток представляет собой пластину-полуобойму, перегнутую через основание рамки. *Подотдел а* — щиток крепится к ремню с помощью шпеньков.

Тип 5. Трапециевидные. *Вариант а* — с прямоугольным длинным щитком. 1 экз. из кургана 17 (рис. 1.-12). *Вариант б* — с трапециевидным длинным щитком. 1 экз. из кургана 19 (рис. 1.-13).

Все анализируемые поясные пряжки из могильника Степушка-I сделаны из железа (группа I), что отражает практику использования населением буланкобинской культуры черного металла в качестве основного материала при изготовлении снаряжения человека. Принципиально важные различия морфологии пряжек касаются способа фиксации свободного конца ремня на рамке. Это выражается в существовании двух относительно самостоятельных линий эволюции пряжек, представленных модификациями с под-

вижным язычком и неподвижным шпеньком. Железные пряжки с подвижным язычком на основании рамки (разряд I, раздел I) традиционно рассматриваются в качестве хроноиндикатора начала «гунно-сарматской» эпохи. Наиболее ранние экземпляры их происходят из памятников хунну Центральной Азии II в. до н.э. [4, табл. XI, XII; 5, табл. 1, 3, 8, 10, 11, 12, 23, 26, 35, 40, 49, 50, 52; 6, табл. 7, 23, 40, 56, 67, 82, 93, 96, 104, 108, 120; 7, с. 63–73]. Это совершенно новая модификация застежек, происхождение которой не связано с металлическими пряжками кочевников Азии скифо-сакской эпохи. Данный вывод подтверждается разницей конструкции и формы железных пряжек с подвижным язычком и бронзовых пряжек с неподвижным шпеньком из хуннских погребений. Отмечена исключительная редкость бронзовых пряжек с подвижным язычком в погребениях раннего этапа хуннской культуры Дырестуйского и Иволгинского некрополей [5, табл. 30.-24; 6, табл. 60.-9]. Сами хунну могли заимствовать подвижный фиксатор ремня от китайцев, у которых в период династий Цинь и Западной Хань существовали оригинальные металлические пряжки с подвижным язычком на вертлюге, применявшиеся в конском снаряжении. При установлении нижней даты железных пряжек с подвижным язычком важно учитывать отсутствие их в составе инвентаря погребений кочевников III в. до н.э. Северного Китая с признаками влияния хунну, а также среди предметов, отражающих хуннские новации в памятниках саглынской культуры Тувы III — начала II в. до н.э. [8, рис. 2–6; 9, с. 77–80]. Датировка ранних находок таких пряжек в Минусинской котловине из коллективного погребения в позднетагарском кургане Лисий («нижняя погребальная камера») и других комплексов с «бронзовыми миниатюрами» сейчас пересмотрена в сторону омоложения [10, с. 134–135, рис. 65]. Представленные факты наводят на мысль, что у кочевников Алтая пряжки с подвижным язычком стали употребляться ранее всего во второй трети II в. до н.э. Примерно в это же время они впервые появляются в Туве (могильник Урбюн-III) [11, с. 104–108]. На Среднем Енисее такие пряжки фиксируются с I в. до н.э. в позднетагарских и тесинских памятниках и получают широкое применение там с середины столетия [10, рис. 65, 77, 80, 84; 12, рис. 13.–5, 11–21; 13, табл. 93.-45; 94.-57, 58, 59; 14, табл. 23.–1, табл. 36.-108; 15, рис. 8.-1–4]. Распространение данных изделий на землях Саяно-Алтая соотносится с проникновением населения, испытавшего сильное влияние культуры хунну.

В других регионах железные пряжки с подвижным язычком появляются позже. В Среднюю Азию они были занесены в конце II в. до н.э. «восточными» кочевниками во время разгрома Греко-Бактрии и приобрели популярность в I в. до н.э. во многих областях [16, табл. XLIV.-1, 2, 3, XLII.-11, 12, XLI.-1–7, 9, 10, 16, 17, с. 111–112; 17, с. 140–141, табл. XV.-1, 2, XIV.-10–12, XXXI.-3, 8, 9, XXXII.-2; 18, рис. 2.-69; 19,

с. 128–130; 20, с. 166, рис. 4.–9, 12; 21, с. 176, рис. 2.–4, 5; 22, с. 214, 226]. В I в. до н.э., вероятно, во второй половине столетия, металлические пряжки с подвижным язычком попадают в Верхнее Приобье [23, табл. XXIV.–13, 14, XLVI.–88; 24, с. 22; 25, с. 50, рис. 6.–18; 26, рис. 2.–9, 10]. Начальная дата таких пряжек в саргатской культуре Западной Сибири сейчас может быть омоложена до конца I в. до н.э. [27, с. 99, рис. 24.–1; 29.–2; 32.–17; 45.–7; 54.–29; 57.–14; 28, с. 67–68]. У сарматов пряжки с подвижным язычком стали применяться с рубежа эр, демонстрируя активизацию азиатского

направления культурных связей [29, с. 145, рис. 7.–41; 30, с. 89; 31, с. 107]. Тогда же или немного позже они фиксируются на Кавказе [32, табл. 107.–13; 111.–25–31]. У населения Волго-Камья пряжки с подвижным язычком распространяются с I в. н.э. [33, рис. 4; 34, с. 64, 42]. Свою историю появления металлические пряжки с подвижным язычком имеют в Центральной Европе, где они известны ранее всего в областях, подвергнувшихся римскому влиянию, и отражают знакомство «варваров» с экипировкой римских легионов конца I в. до н.э. [35, с. 162].

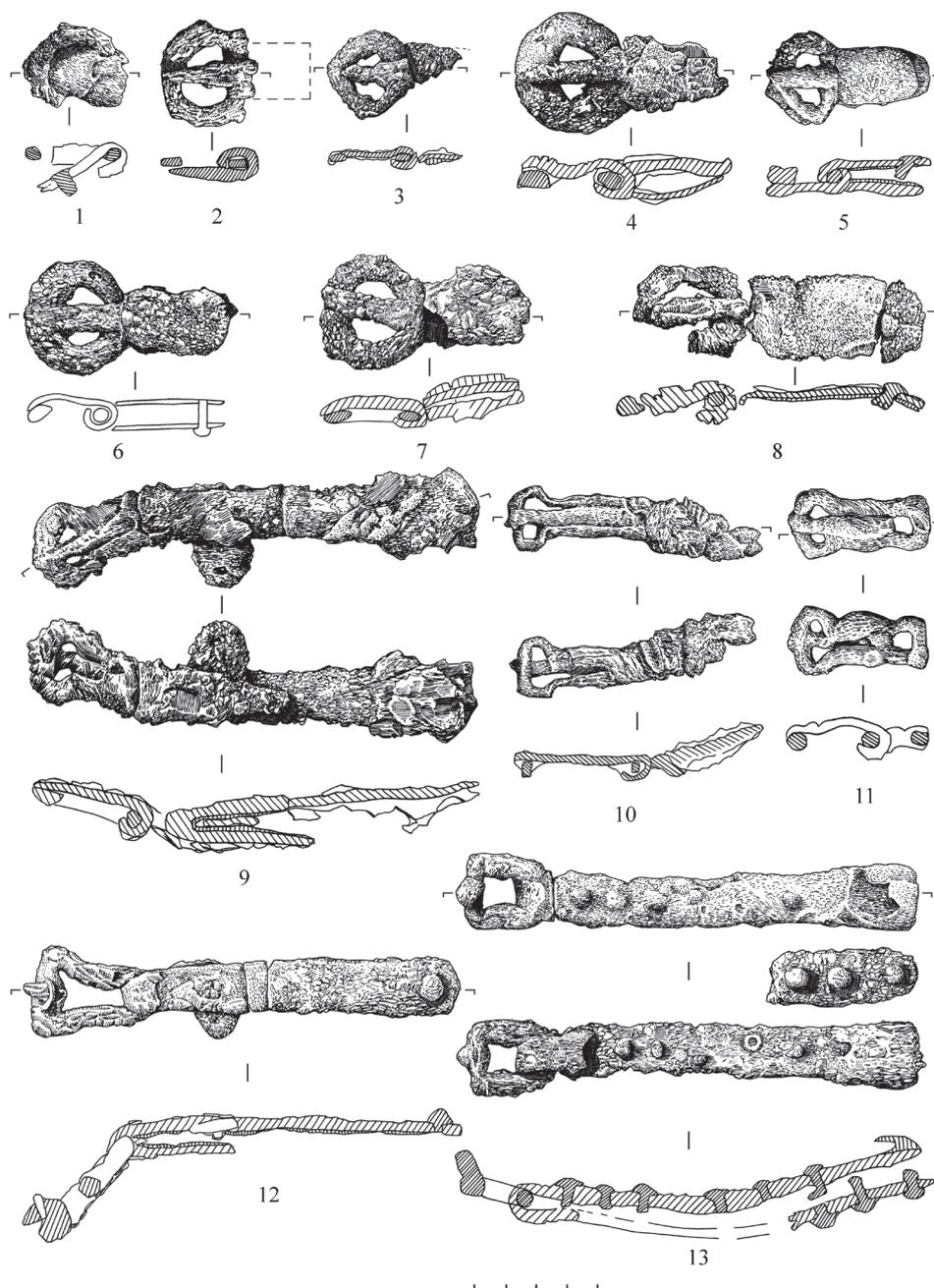

Рис 1. Поясные пряжки из могильника Степуша-I: 1 — курган 9; 2 — курган 11; 3,7 — Курган 15; 4,9 — курган 5; 5 — курган 6; 6 — курган 7; 8 — курган 13; 10, 12 — курган 17; 11 — курган 21; 13 — курган 19

Железные пряжки разряда I, раздела I представлены экземплярами с подвижным, четко отделенным от рамки щитком в виде пластины-полуобоймы, перегнутой через основание рамки, фиксирующейся на ремне с помощью вставных шпеньков (отдел I а). Данную модификацию пряжек ранее всех стали использовать хунну Монголии и Забайкалья в конце I в. до н.э., но особенно часто в I — начале II в. н.э. [4, табл. XI. — 13, 17; 36, рис. 4.-5; 37, зур. 12; 38, т. 209, зур. 3; 39, зур. 18.-4, 5, 6; 40, т. 289, зур. 7]. С хуннским влиянием связаны достаточно ранние находки подобных изделий в польцевской культуре Приамурья [41, табл. XVIII.-9, 10, 11]. Такие пряжки представлены в снаряжении сянби конца I — начала III в. н.э. Юго-Восточного Забайкалья и Северо-Западной Маньчжурии [42, рис. 5.-11; 10.-1; 43, рис. 99.-3; 101.-1, 8; 44, р. 311]. Ранние экземпляры железных подвижноязычковых пряжек с подвижным щитком обнаружены в Туве в погребениях могильников Аймырлыг-XX, XXXI, датирующихся предвременно концом I — началом III в. н.э.

В дальнейшем пряжки разряда I, раздела I встречаются в кокзельской культуре III–V вв. н.э. [45, табл. XIII.-20; 46, табл. XI.-25, 27, 32, 45, 46; 47, табл. 81.-34]. Удивительно мало таких изделий на Среднем Енисее, где они известны в таштыкских склепах не ранее середины IV в. н.э. [10, табл. 113.-2; 115]. В Средней Азии пряжки с подвижными щитками датируются не ранее второй половины II в. н.э. или начала III в. н.э. и отражают новую волну проникновения центрально-азиатских кочевников после окончательного разгрома северных хунну [48, вкл. 4.-173; 49, с. 13; 50, с. 71, рис. 4.-14, 19–21; 51, с. 105, табл. 39.-12]. На юге Западной Сибири пряжки с подвижным язычком и подвижным щитком появляются в конце II — начале III в. н.э., а в предгорьях Кузнецкого Алатау — не ранее второй половины III в. н.э. [52, с. 66–67, 102–104, 114]. Для Западной Сибири эта дата подтверждается отсутствием пряжек с подвижными щитками в саргатской культуре I–II вв. н.э., носители которой имели тесные контакты с сарматами и кочевыми племенами Средней и Центральной Азии.

Сарматы Восточной Европы стали использовать пряжки с подвижным щитковым креплением в первой половине — середине II в. н.э., особенно широко со второй половины столетия. Такие пряжки выступают одним из индикаторов предметного комплекса позднесарматской общности, сложившегося в ходе миграции «восточных» кочевников [29, с. 153–155; 30, с. 91, рис. 1.-52; 53, с. 198–199, 209; 54, с. 32; 55, с. 112, 119]. Во второй половине II в. н.э. пряжки с подвижным щитком появляются на Кавказе, став особенно популярными в III–V вв. н.э. [56, рис. 2.-10, 11; 13.-2; 15.-12, 14; 70, 74]. В Западном Приуралье пряжки с такими морфологическими характеристиками имеются в пьяноборских памятниках рубежа II — начала III в. н.э., но массово они представлены в мате-

риалах конца III — начала VI в. н.э. [33, с. 82, рис. 19.–24, 25; 34, с. 42, 69, табл. 12.-18; 57, рис. А — Н]. В Центральной Европе железные пряжки с подвижным язычком и подвижным щитком известны с середины — третьей четверти I в. н.э. [35, с. 162].

Современное состояние археологических источников дает основания считать, что железные пряжки с подвижным язычком и щитком отдела Ia распространяются у кочевников Алтая во II в. н.э. под влиянием позднихуннской — раннесяньбийской материальной культуры. Широкую популярность они получают с конца II–III вв. н.э. и будут известны до финала существования булан-кобинской общности (V в. н.э.). Как массовое явление такие пряжки исчезают у тюрок второй половины V — XI вв. н.э.

Пряжки разряда I, раздела I, отдела Ia из могильника Степушка-I представлены в основном экземплярами с овальной рамкой (тип 1), имеющими щитки разной формы. Принимая во внимание широкое распространение похожих экземпляров на очень отдаленных территориях, круг актуальных аналогий нами был заведомо ограничен археологическими материалами II в. до н.э. — V в. н.э. Северной, Центральной и Средней Азии.

На территории Тувы овально-рамчатые пряжки с прямоугольным щитком имеются в могильнике кокзельской культуры Часкал-II (тип 1a) не ранее III в. н.э., а также в некрополе Кокзель, курган 11, п. XXXVIII (тип 1 в), археологический возраст которого определяется концом III–IV вв. н.э. [46, табл. XI.-25; 47, табл. 81.-34]. Бронзовые модификации овально-рамчатых пряжек, похожих на пряжки типа 1в, представлены в могильнике Чааты (курганы 28, 7) второй половины IV — начала V в. н.э. [58, рис. 22.–5, 11]. На Среднем Енисее железная овально-рамчатая пряжка с обломанным подвижным щитком прямоугольно-овальной формы средней длины (тип 1б) найдена в склепе таштыкской культуры на могильнике Усть-Тесь, относящемся ко второй половине IV–V вв. н.э. К этому же времени принадлежит пряжка типа 1а из могильника Джесос, склеп 3. К данному перечню сравнений следует добавить бронзовые аналогии пряжек из таштыкских склепов 2 и 7 Уйбатского чаатаса, входящих в хронологическую группу памятников конца IV–V вв. н.э. [10, с. 122, табл. 87.-1, 2; 113.-2; 115; рис. 64].

В Алтайской лесостепи пряжки типа 1а зафиксированы в погребении фоминской культуры на могильнике Ближние Елбаны-VII не ранее рубежа II–III вв. н.э. и в захоронении одинцовской культуры второй половины IV–V вв. н.э.) из Ближних Елбанов-XIV [52, с. 66, табл. XXXVII.-3; 59, табл. XLI.-19, XLII.-15]. В предгорьях Кузнецкого Алатау пряжка типа 1а происходит из Усть-Абинского могильника второй половины III — первой половины IV в. н.э. [52, табл. LX.-5]. В Новосибирском и Томском Приобье пряжки

типа 1а–б связаны с комплексами V–VI вв. н.э., второй половины VI — первой половины VII в. н.э. и даже VII–VIII вв. н.э. [60, рис. 10.-5; 70.-3; 61, с. 154–155; 62, с. 49, 51, рис. 25.–17, 36]. Пряжки типа 1а обнаружены в памятниках кенкольской культуры Тянь-Шаня не ранее второй половины II — начала III в. н.э., в могильнике Шаушукум из Ташкентского оазиса, датирующегося II–IV или III–V вв. н.э., в некрополях арысской культуры Южного Казахстана конца II–IV вв. н.э. [22, с. 226; 49, с. 13; 50, рис. 4.–19–21; 51, табл. 39.-12; 63, с. 70, вкл.]. С территории Восточного Казахстана известна находка пряжки типа 1в из погребения второй половины IV–V вв. н.э. в кургане с «усами» 1 Зевакинского могильника [64, табл. I.-14]. В Восточном Туркестане пряжка типа 1в, но из цветного металла, зафиксирована в могильнике II–IV вв. н.э. Чаохугоу-3 [65, fig. 8.-1].

В рамках хронологической схемы позднесарматской культуры редкие находки железных овально-рамчатых пряжек со щитком соотносятся с комплексами второй половины II в. н.э. — начала IV в. н.э. (тип 1а) и второй половины III в. н.э. (тип 1б–в). Обобщение массового материала показывает, что прямоугольные вытянутые щитки характерны для II в. н.э. В первой половине III в. н.э. они становятся короче и в количественном отношении потесняются щитками округлой и овальной форм [53, с. 209]. Отдельный регион производства пряжек с прямоугольными щитками отдела I а представляет Прикамье, где данные модификации в цветном металле впервые появились в конце II в. н.э. [33, рис. 19.-24; 34, табл. 12.-18].

На территории Алтая нами учтено 20 уверенно идентифицируемых пряжек типа 1 из могильников Айрыдаш-I, Яломан-II, Курайка, Улуг-Чолтух-I. Большинство данных изделий относится к III–IV вв. н.э. Показательные различия между экземплярами из датированных комплексов пока не устанавливаются, что отчасти обусловлено сохранностью железных предметов. Наиболее вероятный период бытования таких пряжек в булан-кобинской культуре определяется в широких рамках от второй половины II — начала III в. н.э. до V в. н.э. включительно. Сравнительное изучение археологических материалов Центральной и Северной Азии позволяет сделать вывод, что прямоугольные щитки средних и удлиненных модификаций появляются позже укороченных. Следует отметить, что хуннские и раннесяньбийские пряжки с короткими щитками резко отличаются от экземпляров, распространенных у кочевников второй половины III–V в. н.э. Пряжки с длинными щитками появляются, видимо, в III в. н.э. и сосуществуют до финала булан-кобинской культуры, преобладавая в количественном отношении в памятниках IV–V вв. н.э.

Пряжки с подвижным язычком на основании рамки арочной формы включают единственный экземпляр с прямоугольно-овальным щитком полуобоймой

средней длины (тип 2а). На Алтае подвижноязычковые пряжки с арочной и арочно-вогнутой рамкой без щитков известны в могильниках хуннского времени Яломан-II и Усть-Эдиган. Аналогичные пряжки представлены в материалах II–IV вв. н.э. из памятников Айрыдаш-I, Тьткескен-VI, Булан-Кобы-IV. Арочные пряжки с подвижным щитком укороченных пропорций известны у хунну Монголии и Забайкалья в I — начале II в. н.э. и сяньби Юго-Восточного Забайкалья в конце I — начале III в. н.э. [4, табл. XI.-13; 36, рис. 4.-5; 37, зур. 12; 39, зур. 18.-6; 43, рис. 101.-8]. Подобные пряжки в цветном металле встречаются в экипировке верхового коня поздних сяньби Северного Китая конца III — начала IV в. н.э. и у когурё в IV–VI вв. н.э. [66, рис. 1.-1]. Среди бронзовых изделий можно назвать пряжку из погребения фоминской культуры Усть-Абинского могильника конца III — первой половины IV в. н.э., а также находку в кургане верхнеобской культуры VI–VII вв. н.э. Темирязевского могильника-II в Томской области [52, табл. LXVIII.-15; 60, рис. 70.-4]. Похожий, но не идентичный железный экземпляр с прямоугольным длинным щитком найден в позднекозельском комплексе V в. н.э. Усть-Хадынских-III (курган 21) в Западной Туве [67, рис. 4.-11]. Стоит добавить, что с территории Тувы происходят железные распределители с арочной рамкой и прямоугольным щитком средней длины из могильника Хара-Даг-Бажи, датирующегося не ранее второй половины — конца III в. н.э. [68, рис. 2.-9; 3.-1]. На Алтае железная пряжка с арочной рамкой и прямоугольным коротким щитком найдена в погребении II — начала III в. н.э. в могильнике Айрыдаш-I. Известен аналогичный по форме железный распределитель с арочной рамкой и прямоугольным длинным щитком из погребения IV в. н.э. некрополя Булан-Кобы-IV.

Учитывая эти немногочисленные аналогии, хронологический диапазон распространения пряжек типа 2а у населения булан-кобинской культуры определяется нами предварительно в рамках III–V вв. н.э. Близкая по оформлению уздечная пряжка обнаружена в тюркской ограде второй половины V — первой половины VI в. н.э. на могильнике Кудыргэ [69, рис. II.-1].

Железные пряжки с подвижным язычком на цельной вертлюге в прорези рамки (раздел II) из могильника Степушка-I представлены модификациями с подвижным щитком (отдел Ia) и без него (отдел II), имеющими рамку т-образной формы (типы 3а, 4). Поскольку относительная хронология пластинчатых щитков нами уже рассматривалась, считаем целесообразным, анализировать типы 3, 4 совместно. Металлические пряжки с язычком на вертлюге в прорези т-образной рамки (в терминологии других исследователей «фигурные», «овально-трапециевидные», «дугоконечные») уже давно привлекают внимание специалистов. При хронологической интерпретации данных модификаций используют «западные» и «вос-

точные» материалы, в рамках которых они имеют разный археологический возраст [70]. У кочевников восточно-европейских степей такие пряжки встречаются в среднесарматское время во второй половине I — начале II в. н.э. (тип 4) и на начальной фазе позднесарматского периода во второй половине II — первой половине III в. н.э. (типы 3, 4). При этом ранние экземпляры имеют длинные, а поздние — короткие рамки, часто с декором в виде завитков [29, с. 145; 30, с. 91–92, рис. 1.–53; 35, рис. 4.–1, 3, 4–10; 5; 53, рис. 3 Б.–2, 3; 5 А.–3; 71, с. 182, рис. 8.–37, 38; и др.]. Они рассматриваются как подражания «провинциально-римским» («маркоманским») пряжкам, распространенным в центральноевропейском «Барбарикуме» в I — начале III в. н.э. У сарматского населения Подунавья данные пряжки доживают до второй половины III в. н.э. [53, с. 208]. Экземпляры из степной полосы Восточной Европы отличаются от пряжек, найденных на Алтае, тем, что они часто снабжены вставной вертлюгой, которая у моделей с длинной рамкой подвижная и представляет собой одно целое с язычком. Кроме того, пряжки с подвижным щитком-полуобоймой из позднесарматских комплексов имеют короткие рамки, которые лишь условно можно называть «т-образными».

В Центральной Азии самая представительная коллекция т-образных пряжек с подвижным язычком на вертлюге, аналогичных находкам из могильника Степушка-I, происходит из Тувы. Пряжки обнаружены в позднем погребении улуг-хемской культуры на некрополе Аймырлыг-XXXI, п. 7 (тип 4), а также в памятниках кокзельской культуры III–V вв. н.э. Темир-Суг-I, к. 2 (тип 4); Аймырлыг-VIII, к. 15, в.п. (тип 4), Кокзель, к. 37, п. XVI (тип 3), к. 39, п. XXIX (тип 3), п. 45 (тип 4) [46, табл. XII. — 24, 33, 47; 72, рис. 3.–2; 4.–2, 5]. В Монголии «т-образная» пряжка с язычком на вертлюге и длинным щитком типа 3 найдена во впускном погребении из местности Хад Узуур Сагил сомона, археологический возраст которого авторы раскопок определяют гипотетически жуанским временем, ссылаясь при этом на материалы с Алтая [73, рис. 1]. Пряжки типа 4 встречаются в таштыкской культуре Минусы [72, рис. 3.–8; 81, рис. 2.–6]. В Средней Азии пряжка, схожая по своим морфологическим характеристикам с типом 4, но выполненная из цветного металла, зафиксирована в Орлатском могильнике [19, рис. 5.–26]. Относительная хронология этого памятника по-прежнему вызывает дискуссии, что обусловлено выборочной публикацией материалов. Вероятнее всего, мы будем правы, если отнесем погребальный комплекс, содержащий т-образную пряжку, к III в. н.э. В Алтайской лесостепи т-образная пряжка плохой сохранности имеется в погребении одинцовской культуры второй половины IV–V в. н.э. в урочище Татарские могилки [75, с. 141, рис. 3.–3].

Определенно стоит говорить, что основной ареал применения пряжек типов 3, 4 связан с Саяно-

Алтаем. На территории распространения булан-кобинской культуры, кроме могильника Степушка-I, нам известен один экземпляр пряжки типа 3 из памятника Яломан-II и три изделия типа 4 в некрополях Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Яломан-II. Все эти предметы пока не опубликованы. Можно предположить, что пряжки с т-образной рамкой разрабатываются на основе подвижноязычковых пряжек с арочно-вогнутой рамкой или по образцу арочно-вогнутых и восьмерковидных блоков, известных у хунну Монголии и Забайкалья в конце I в. до н.э. — I в. н.э., сяньби Юго-Восточного Забайкалья и Северо-Западной Маньчжурии в конце I–IV вв. н.э., у кочевников Тувы в I — начале III в. н.э., населения тесинской и таштыкской культур Среднего Енисея в I в. до н.э. — II в. н.э., а также у носителей булан-кобинской культуры во второй половине I в. до н.э. — III в. н.э. [4, табл. XI.-15; 10, рис. 65, 70.–3; 84; 12, рис. 13. — 9, 19, 20; 15, табл. XXIII.–2, XXV.–9, 10, 11, 17, XXVII.–5, 6; 37, зур. 12; 38, т. 205, зур. 5; 42, рис. 10.–2; 43, рис. 96.–3, 102.–1; 74, рис. 2.–7, 9; 76, табл. XVI.–2, 3; 77, рис. 2; 78, рис. 3.–20].

Сначала, вероятно, появились модификации с округлой дужкой и язычком, закрепленным на основании рамки. Размещение фиксатора ремня на вертлюге могло быть заимствовано из конструкции оригинальных металлических пряжек, известных в поздних памятниках хунну Монголии I — начала II в. н.э. Особое внимание среди них заслуживают арочно-вогнутые пряжки с подвижным язычком на цельной вертлюге, происхождение которых связано с традициями ременных гарнитур ханьцев [7, с. 139; 44, р. 269; 79, fig. 24.–2, 5, 6; 80, с. 40]. В формировании пряжек типов 3, 4 нельзя исключать влияния костяных пряжек с подвижным язычком, широко представленных в снаряжении сяньби Юго-Восточного Забайкалья и Северо-Западной Маньчжурии в конце I–III вв. н.э. [81, рис. 7].

Для решения вопроса о дате появления т-образных пряжек у кочевников Алтая актуально обратиться к бронзовым пряжкам из кургана 227 могильника Балыктыюль. Знакомство с этими предметами, хранящимися в Государственном Эрмитаже, подтверждает, что их рамки украшены фасетками. Подобный способ декорирования, безусловно, имеет «западное» происхождение и фиксируется на ременных гарнитурах сарматов Восточной Европы не ранее конца II — начала III в. н.э. [53, с. 208; 82, с. 117; 83, с. 54]. Орнаментальный стиль фасетированных изделий представлен также в древностях Прикамья III–IV вв. н.э., но там его появление имеет другой этнокультурный контекст [57, рис. А — Д; 83, с. 53]. Художественное оформление балыктыюльских пряжек резко диссонирует с удлиненным абрисом рамок, которые имели распространение в Восточной и Центральной Европе не позже первой половины II в. н.э. Экземпляры из могильника Балыктыюль демон-

стрируют не шествие провинциально-римской моды по кочевому миру на восток, а результат импорта вышедших из обращения «антикварных» модификаций пряжек провинциально-римского круга, отвечающих современным вкусам номадов Алтая. Сходство с поясными гарнитурами центрально-европейского облика не является основанием для удревнения похожих пряжек с территории Саяно-Алтая до II в. н.э. В данном случае важно отметить, что сочетание датирующихся категорий инвентаря из кургана 227 могильника Балыктыноль свидетельствует об археологическом возрасте этого закрытого комплекса ближе к середине III в. н.э. Анализ имеющихся материалов позволяет сделать вывод, что начальный период использования пряжек типов 3, 4 кочевниками Алтая приходится на III в. н.э. В литературе высказано мнение, что т-образные пряжки повлияли на генезис одного из типов таштыкских пряжек с неподвижным шпеньком [84].

Найденные в могильнике Степушка-I железные пряжки с неподвижным шпеньком (разряд II) на лицевой стороне дужки (раздел III), расположенным под тупым углом относительно плоскости рамки, имели подвижный пластинчатый щиток, фиксирующийся к ремню с помощью шпеньков (отдел Ia). Они выделены в тип 5, который характеризуется сочетанием короткой трапециевидной рамки и длинных щитков прямоугольной (вариант а) и трапециевидной (вариант б) форм. Для выяснения генезиса данного типа изделий любопытно привести факты о географии распространения железных пряжек с неподвижным шпеньком без щитков, которые были одним из прототипов поясных застежек разряда II, отдела Ia.

В Центральной Азии единичные находки железных пряжек рассматриваемой конструкции известны у хунну. Они происходят из могильников I–II вв. н.э. [4, табл. XII.-6; 38, т. 217, зур. 5]. Для хуннуской среды металлические бесщитковые пряжки с неподвижным фиксатором ремня выглядят «инородными», они не связаны с традицией бронзовых неподвижношпеньковых пряжек. Несколько железных пряжек с неподвижным шпеньком без щитка обнаружено в погребениях сяньби конца I — начала III в. н.э. Юго-Восточного Забайкалья и Северо-Западной Маньчжурии [42, рис. 5.-8; 43, рис. 96.-7]. Редкие находки таких пряжек в цветном металле представлены в памятниках скифо-сакского времени Тувы и Монголии [85, рис. 50; 86, зур. 77]. Железные модификации пряжек с неподвижным шпеньком встречаются в комплексах кокельской культуры III–V вв. н.э. [45, табл. XIII.-13–16; 46, табл. XII.-11, 12]. В Северной Азии больше всего железных пряжек с неподвижным шпеньком без щитков найдено в позднетагарских, тесинских и таштыкских памятниках Среднего Енисея [10]. Металлические бесщитковые пряжки с неподвижным шпеньком на юге Средней Азии датируются в основном концом II–I вв. до н.э. [19, с. 128, 142–143],

хотя могут доживать до I в. н.э. Присутствие подобных изделий в Верхнем Приобье [23, табл. XIV.-6; 24, табл. XLVI.-23] является результатом взаимодействия с южными соседями, скорее всего, с племенами саргатской культуры, к которым они могли попасть от сарматов или от кочевников Средней Азии в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э. В степях Восточной Европы металлические бесщитковые пряжки с неподвижным шпеньком выступают одним из маркеров раннесарматских комплексов III–I вв. до н.э. [88, с. 110; 89, с. 174, табл. 71.–48, 51, 52; 90, с. 97–98]. Они выходят из употребления в среднесарматское время (рубеж эр — начало II в. н.э.) и никогда не сочетаются с подвижными щитками-полуобоймами, распространившимися в позднесарматский период. Хронологический разрыв времени активного использования пряжек с неподвижным шпеньком и подвижным щитком демонстрируют материалы саргатской культуры Западной Сибири. В культурах Волго-Камского региона железные пряжки с неподвижным шпеньком и щитком-полуобоймой также не обнаружены, хотя по отдельности эти признаки встречаются в конце II — начале III в. н.э.

Рассмотренные археологические материалы позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, пластинчатые щитки-полуобоймы у пряжек с неподвижным шпеньком были заимствованы от подвижноязычковых модификаций после их массового распространения в III в. н.э. Во-вторых, данные пряжки генетически не связаны с железными бесщитковыми пряжками с неподвижным шпеньком, представленными в Северной и Центральной Азии на рубеже эр и в I–II вв. н.э. В-третьих, в генезисе данной модификации пряжек не отразилось влияние снаряжения хунну и сяньби.

Пряжки со шпеньком на рамке трапециевидной формы, снабженные подвижным пластинчатым щитком разных пропорций, имеют ограниченный ареал распространения, связанный с Саяно-Алтаем. Центром их широкого применения была Тува, где они известны в кокельской культуре (Кокель, Бай-Даг-II, Алды-Бель-I, Аймырлыг-VI, Темир-Суг-I) со второй половины — конца III в. н.э. и, по-видимому, не связаны с традициями ременных гарнитур улугхемской культуры [45, табл. XIII.-17; 46, табл. XI. — 35–38, 41, 58, XII.-30, 32, 48; 91, рис. 100.-1; 92, с. 34]. На Среднем Енисее аналогичная пряжка найдена в грунтовом могильнике таштыкской культуры Староозначенская переправа-I [74, рис. 2.-12]. Она может указывать на датировку данного комплекса в пределах конца III — начала IV в. н.э. Близкие в морфологическом отношении пряжки в цветном металле имеются в таштыкском склепе 1 Изыхского чаатаса, который относится к более позднему времени (не ранее VI в. н.э.) [10, с. 122, рис. 64, табл. 90].

Населением Алтая пряжки с неподвижным шпеньком, совмещенные с подвижным пластинчатым щитком, скорее всего, были заимствованы из Тувы

в начале IV в. н.э., в период нестабильной военно-политической ситуации в Центральной Азии после развала кочевой империи сяньби, когда имелись реальные условия для взаимодействия с племенами кокзельской культуры. Такие пряжки со щитками разной длины можно рассматривать в качестве хроноидикаторов погребальных комплексов булан-кобинской культуры IV–V вв. н.э. На Алтае они найдены на могильниках Яломан-II и Булан-Кобы-IV (неопубликованные материалы раскопок А. А. Тишкина, Ю. Т. Мамадакова). У тюрок Саяно-Алтая пряжки этого типа отсутствуют.

Таким образом, обнаруженные на могильнике Степушка-I пряжки представляют собой достаточно

распространенные модификации поясных застежек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени. Анализ данных артефактов позволил установить датировку разных типов пряжек у кочевников Алтая в рамках II–V вв. н.э., а также рассмотреть вопросы, связанные с их генезисом и распространением в Северной и Центральной Азии. Сравнительное изучение вещественных материалов показало, что развитие поясных пряжек у кочевников Алтая происходило под влиянием центрально-азиатской моды ремennых гарнитур и имело определенное своеобразие по сравнению с эволюцией снаряжения народов Европы.

Библиографический список

1. Кирюшин Ю. Ф., Шмидт А. В., Тишкин А. А., Матренин С. С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. — Барнаул, 2011.
2. Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. — Алматы, 2011. — Вып. 3.
3. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ — Вып. ЕЗ–18. — М., 1983 (Археология СССР).
4. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). — Улан-Удэ, 1976.
5. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. — Т. 2: Иволгинский могильник. — СПб., 1996 (Археологические памятники сунну. Вып. 2).
6. Миняев С. С. Дырестуйский могильник. — СПб., 1998 (Археологические памятники сунну. Вып. 3).
7. Пань Лин Иволгинское городище и могильник, а также исследование связанных с ними вопросов в археологии сунну. — Пекин, 2007.
8. Ковалев А. А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. — Улан-Удэ; Чита, 2002.
9. Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. — СПб., 2003.
10. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. — СПб., 1999.
11. Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. — Вып. 119. — М., 1969.
12. Кузьмин Н. Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. — Л., 1988.
13. Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1992 (Археология СССР).
14. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск, 1979.
15. Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). — СПб., 2009.
16. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА № 136. — М.; Л., 1966 (Археология СССР).
17. Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. — Л., 1975.
18. Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // АСГЭ. — Л., 1984. — Вып. 25.
19. Горбунова Н. Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // АСГЭ. — СПб., 2001. — Вып. 35.
20. Оболдуева Т. Г. Курганы на арыке Джун // СА. — 1988. — № 4.
21. Маслов В. Е., Яблонский Л. Т. Могильник Гуяр-IV в Северной Туркмении // Российская археология (РА). — 1996. — № 2.
22. Подушкин А. Н. Программа «Археологические и письменные памятники государства Канцзюй (Кангюй) II в. до н.э. — VI в. н.э.»: динамика реализации и некоторые итоги // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. — Павлодар, 2006. — Вып. 2.
23. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1979.
24. Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. — Новосибирск, 1994.
25. Дураков И. А., Мжельская Т. В. Исследования могильника Бытровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. — Новосибирск, 1995.
26. Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул, 1999.

27. Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. — Новосибирск, 1994.
28. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гавевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. — Екатеринбург, 1997.
29. Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. — Краснодар, 2004.
30. Медведев А. П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. — Краснодар, 2004.
31. Сергацков И. В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. — Краснодар, 2004.
32. Абрамова М. П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989 (Археология СССР).
33. Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. — II в. н.э.). — М., 1988.
34. Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. — Уфа, 1992.
35. Труфанов А. А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. — 2004. — № 4.
36. Цэвэндорж Д. «Хэл Хуур» — губной варган хунну, найденный в могильнике Морин Толгой // Шинжлэх Ухааны Академийн Мэдэ. — Улаанбаатар, 1990.
37. Цэвэндорж Д. Бага газрын чулуу, Тарвагатай, Хүүшийн хөтөл, Баруун хайрханы хунну булш // Археологийн судлал. — Улаанбаатар, 2000. — Т. XX.
38. Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). — Улаанбаатар, 2003.
39. Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш. — Улаанбаатар; Сеул, 2003.
40. Амартүвшин Ч., Хатанбаатар П. Хүннү булшны судалгаа // Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: Бага газрын чулуу. Археологийн судлал. — Улаанбаатар, 2010. — Т. VII. — Боть XXVII.
41. Дервянко А. П. Приамурье (I тыс. до н.э.). — Новосибирск, 1976.
42. Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин. Краткое сообщение о раскопках части сяньбийского могильника Лаохэшэн в уезде Юйшу провинции Гири // Вэнью. — 1985. — № 2.
43. Яремчук О. А. Могильник Зоргол-1 — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис.... канд. ист. наук. — Чита, 2005.
44. Archaeological Study on Iron Works before 3-rd Century A. D. in China. — Pecin, 2005.
45. Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — Т. II. — М. ; Л., 1966.
46. Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — Л., 1970. — Т. III.
47. Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1992 (Археология СССР).
48. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26. — М. ; Л., 1952 (Археология СССР).
49. Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. — Вып. 64. — Л., 1956.
50. Кожомбердиев И. К. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. — Фрунзе, 1963.
51. Заднепровский Ю. А. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1992 (Археология СССР).
52. Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). — Новокузнецк, 2003.
53. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. — Ростов-на-Дону, 2000.
54. Мошкова М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. — Краснодар, 2004.
55. Кривошеев М. В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. — Краснодар, 2004.
56. Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа в III–V вв. н.э. — М., 1997.
57. Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. — Вып. 158. — М., 1979.
58. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. — М., 1969.
59. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. — МИА. — № 48. — М. ; Л., 1956 (Археология СССР).
60. Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. — Томск, 1983.
61. Троицкая Т. Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Проблемы археологии, антропологии и этнографии Сибири. — Барнаул, 1996.
62. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1998.
63. Подушкин А. Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. — VI в. н.э. — Туркестан, 2000.
64. Арсланова Ф. Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. — Алма-Ата, 1975.

65. Zhang Minghua, Wang Huiju Excavation of Cemetery 3 at Chawuhu Pass, Hejing County // *Kaogu*. — 1990. — № 10.
66. Дун Гао. Сравнительное изучение мужунсяньбэйской, когуреской, корейской, японской конской амуниции III–VI вв. н.э. // *Kaogu*. — 1997. — № 12.
67. Панкова С. В. Погребения середины I тыс. н.э. в Западной Туве // *Древности Алтая*. — № 11. — Горно-Алтайск, 2003.
68. Данченко Г. П., Нестеров С. П. Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской котловины (сравнительный анализ) // *Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии*. — Новосибирск, 1989.
69. Илюшин А. М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // *Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии*. — Новосибирск, 2000.
70. Сорокин С. С. Погребения эпохи «великого переселения народов» в районе Пазырыка // *АСГЭ*. — Вып. 18. — Л., 1977.
71. Зайцев Ю. П., Мордвицева В. И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. — I в. н.э. // *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии*. — Краснодар, 2004.
72. Николаев Н. Н. Поясные наборы могильника Кокэль // *Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура*. — СПб., 2000.
73. Худяков Ю. С., Цэвэндорж Д. Своеобразное впускное погребение из местности Хад Узуур Сагил сомона // *Studia Mongolica*. — Т. XI. — Улан-Батор, 1986.
74. Тетерин Ю. В. Центрально-азиатские элементы таштыкского костюма (по материалам грунтовых могил) // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. — Вып. 2: Горизонты Евразии. — Новосибирск, 1999.
75. Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // *Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь*. — Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск, 1974.
76. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. — М.; Л., 1962.
77. Стамбульник Э. У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // *Древние культуры Евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках)*. — Л., 1983.
78. Худяков Ю. С. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // *Древности Алтая*. — Горно-Алтайск, 1999. — № 4.
79. Wang Renxiang on Ordos Bronze Buckles // *The Collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares*. — Pecin, 2009.
80. Дуурлиг Нарсны хунну булш. — Улаанбаатар, 2009.
81. Ковычев Е. В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // *Известия лаборатории древних технологий*. — Иркутск, 2006. — Вып. 4.
82. Малашев В. Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV вв. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культуры (вещевой комплекс) // *РА*. — 2007. — № 3.
83. Малашев Ю. В., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. — М., 2008.
84. Азбелев П. П. Типогенез характерных таштыкских пряжек // *Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края*. — Красноярск, 1992. — Т. II.
86. Грач А. Д. Древние кочевники в Центре Азии. — М., 1980.
87. Цэвэндорж Д. Чандманий соёл. — Улаанбаатар, 2007.
88. Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. — М., 1983.
89. Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // *Степная полоса Европейской части СССР в скифо-сарматское время*. — М., 1989 (Археология СССР).
90. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. — Саратов, 1992.
91. Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыын-чурекской культур) // *Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции*. — Л., 1970. — Т. III.
92. Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. — СПб., 2010.